

Переверзев Евгений Анатольевич, Жеребцова Елена Евгеньевна, Буняева Карина Владимировна
**ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА ПОСРЕДСТВОМ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

В статье раскрываются проблемы реформирования российского законодательства в области регламентации парламентаризма как особого политико-правового института. Авторами обозначены некоторые направления законодательных корректировок, осуществленных на разных этапах государственно-правового строительства под влиянием практики конституционного судопроизводства. Особое внимание уделено анализу ряда резонансных правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в его постановлениях и определениях, вынесенных в процессе реализации нормоконтрольных полномочий, в том числе по рассмотрению конституционных жалоб граждан, а также при осуществлении толкования конституционных положений. Дается сравнение статистических данных деятельности Конституционного Суда Российской Федерации различных лет по вопросам парламентского права. На основе проведенного исследования вносятся предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой области.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (59): в 2-х ч. Ч. II. С. 127-133. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
10. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 2009.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
12. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=87057> (дата обращения: 12.06.2015).
13. Тепляшин П. В. Новый закон об уголовном наказании в виде принудительных работ // Законность. 2013. № 9. С. 43-44.
14. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 8 марта 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 марта 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
17. Усеев Р. З. Принудительные работы: место в системе наказаний и некоторые проблемы применения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2. С. 23-26.
18. Чучаев А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2013. 672 с.

**COMPULSORY LABOUR AS A NEW TYPE OF PUNISHMENT:
PROBLEMS OF APPLICATION AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT**

Nikitin Dmitrii Alekseevich, Ph. D. in Law, Associate Professor
Sidorova Margarita Mikhailovna

*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Branch) in Pskov
dima60-62@yandex.ru; margo_konopleva@mail.ru*

The article examines the problems of application and prospects for the development of a new type of criminal punishment, which is not associated with isolation from society – compulsory labour. The paper pays special attention to the imperfection and incompleteness of normative base, debatable issues connected with the regulation and application of this type of punishment. Introducing compulsory labour as a special type of punishment involves a number of unsettled problems; as a result the sphere of its application is considerably restricted. The unsolved organizational issues come out as a key problem to introduce this type of punishment. It should be mentioned that entering into force the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation on compulsory labour is suspended till January, 1, 2017.

Key words and phrases: penitentiary system; criminal punishment; compulsory labour; punishments not associated with isolation from society; problems of application; prospects for development.

УДК 352.53; 340.131.5

Юридические науки

В статье раскрываются проблемы реформирования российского законодательства в области регламентации парламентаризма как особого политико-правового института. Авторами обозначены некоторые направления законодательных корректировок, осуществленных на разных этапах государственно-правового строительства под влиянием практики конституционного судопроизводства. Особое внимание уделено анализу ряда резонансных правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации в его постановлениях и определениях, вынесенных в процессе реализации нормоконтрольных полномочий, в том числе по рассмотрению конституционных жалоб граждан, а также при осуществлении толкования конституционных положений. Дается сравнение статистических данных деятельности Конституционного Суда Российской Федерации различных лет по вопросам парламентского права. На основе проведенного исследования вносятся предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой области.

Ключевые слова и фразы: парламентаризм; парламентское право; конституционное судопроизводство; избирательное право; избирательный процесс; статус парламентариев; формы парламентского контроля.

Переверзев Евгений Анатольевич, к.ю.н., доцент

Жеребцова Елена Евгеньевна, к.ю.н., доцент

Буняева Карина Владимировна, к.ю.н.

*Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
pablikpravo@mail.ru; zherebisovae@gmail.com; pablikpravo@mail.ru*

**ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА
ПОСРЕДСТВОМ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА[©]**

В современной юридической литературе предлагаются различные трактовки термина «парламентаризм». Его рассматривают как определенный политико-правовой институт, как организационную форму,

созданную в целях претворения в жизнь воли народа, отражения общесоциальных ценностей в политике и др. Так, М. Б. Смоленский определяет парламентаризм как систему государственного руководства, которая (и структурно, и функционально) основана на принципах законности, разделения властей, «при существенной политической и идеологической роли парламента» [10, с. 360]. Как верно замечает Л. Д. Буринова, парламентаризм предполагает не только функциональную градацию публичной политической власти, но и ее институциональное разделение [2, с. 14].

Дефиниция «парламентаризм» нередко встречается и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) (Постановление КС РФ от 28.02.2012 г. № 4-П, Постановление КС РФ от 14.02.2013 г. № 4-П), который обращал внимание на ее различные составляющие. Так, в Постановлении от 05.04.2013 г. № 7-П КС РФ указывал на демократические устои российского государства и «традиции парламентаризма, для которого в современных условиях типичным является профессиональный характер депутатской деятельности» [7]. О принципе профессионализма парламентариев шла речь и в Постановлении КС РФ от 27.12.2012 г. № 34-П, где КС РФ среди прочего исследовал вопрос о предъявляемых к ним цензовых требованиях, в частности, ценз несовместимости в контексте установления ограничений на занятие иной оплачиваемой деятельностью.

Даже беглое ознакомление с нормативно-правовыми актами, регламентирующими вопросы парламентского права и парламентаризма в целом, дает основание признать, что на разных этапах государственно-правового строительства проводились их законодательные корректировки по ряду ключевых направлений. Приведем несколько весьма показательных, на наш взгляд, примеров, свидетельствующих об определенной нестабильности законодательства в исследуемой сфере, его динамичном реформировании. Например, Федеральный закон № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (далее – ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы...»), принятый в начале прошлого года (в частности, 22 февраля 2014 г.) уже подвергался законодательным корректировкам (24 ноября 2014 г.) в связи с уточнением законодательных положений по вопросу о финансировании деятельности политических партий, участвующих в избирательном процессе. А по состоянию на июнь 2015 г. в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основных гарантиях...»), пришедший на смену Федерального закона с одноименным названием, изменения вносились около 70 раз. При этом некоторые поправочные законы подписывались в течение одного дня, например, подобного рода ситуацию можно было наблюдать 25 декабря 2008 г., 2 мая 2012 г., 5 мая 2014 г., а некоторые законы принимались с интервалом в один день, в частности, 22 и 23 июля 2008 г. Более того, названный ФЗ «Об основных гарантиях...» действует сегодня с изменениями, внесенными Постановлениями КС РФ от 25.02.2004 г. № 4-П, от 14.11.2005 г. № 10-П, от 22.06.2010 г. № 14-П, от 22.04.2013 г. № 8-П, от 10.10.2013 г. № 20-П, от 15.04.04.2014 г. № 11-П и др. И это совсем неполный список решений КС РФ в данном направлении. Нужно признать, что КС РФ, оценивая конституционность различных аспектов парламентаризма и парламентского права, зачастую оказывал решающую роль в их эволюционном развитии, что подтверждает актуальность проводимого нами исследования.

Анализ практики конституционного судопроизводства в исследуемой области дает основание констатировать, что в качестве заявителей выступают абсолютно различные лица. Это и отдельные граждане путем обращения с конституционными жалобами (Постановление КС РФ от 09.11.2009 г. № 16-П, Постановление КС РФ от 19.12.2013 г. № 28-П, Постановление КС РФ от 16.12.2014 г. № 33-П), и органы власти, например, органы законодательной власти федерального уровня и субъектов федерации (Определение КС РФ от 18.09.2014 г. № 1872-О, вынесенное по запросу Мурманской областной Думы), и представители общественности (Постановление КС РФ от 11.03.2008 г. № 4-П) и др. Более того, нередко имели место и коллективные обращения, когда граждане и представители властных структур объединяли свои усилия в целях защиты прав и свобод граждан, а также обеспечения конституционной законности (например, Постановление КС РФ от 22.04.2013 г. № 8-П, поводом рассмотрения в котором выступили жалобы граждан, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии «Справедливая Россия») [9].

Изучение содержания жалоб и запросов, а также вынесенных по ним решений КС РФ позволяет с некоторой долей условности говорить о следующих аспектах парламентаризма, выступавших предметом конституционного разбирательства.

Во-первых, необходимо признать, что весьма распространена практика КС РФ в сфере оценки конституционности положений, регламентирующих вопросы избирательного права и процесса. Наглядным подтверждением сказанному выступают данные статистики. Так, в 2012 г. в КС РФ поступило 6541 обращение по вопросам конституционного статуса личности, из которых 1079 – касались избирательного права и права на участие в референдуме (16,5% от общего числа обращений по делам данной категории). Однако сразу заметим, что исследованию подвергались вопросы избирательного права и процесса всех трех территориальных уровней. Статистические показатели последующих лет указывают на то, что с 2013 г. наметилась достаточно стойкая тенденция к снижению обращений по вопросам избирательного права и права на участие в референдуме:

- в 2013 г. поступило всего 99 обращений по вопросам избирательного права и права на участие в референдуме, что составило всего 2,5% от числа обращений по вопросам конституционного статуса личности (4024 обращения);

- в 2014 г. – 50 обращений (1,2%) из 4093 обращений по вопросам конституционного статуса личности.

Показательны и данные текущего года. В I квартале из 1021 обращения в КС РФ по вопросам конституционного статуса личности всего в 11 затрагивались вопросы избирательного права (1,1%), а во II квартале – в 9 (1,5%) из 600 обращений.

Практика свидетельствует, что конституционным правосудием были охвачены практически все стадии избирательного процесса:

- выдвижение и регистрация кандидатов – например, оценке конституционности подвергались положения п. 32 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях...», Федерального закона «О политических партиях» (пп. «к» п. 2 ст. 21) и Закона Краснодарского края «О выборах депутатов Законодательного Собрания Краснодарского края» (ч. 3 ст. 30), предусматривающие предоставление избирательным объединениям права исключить кандидатов из выдвинутого им списка кандидатов при проведении выборов депутатов. Реализация такого права возможна только на основании мотивированного решения избирательного объединения и, как верно заметил КС РФ, оно не носит дискриминационный и произвольный характер (Постановление КС РФ от 09.11.2009 г. № 16-П) [5, с. 18]. В Постановлении от 11.03.2008 г. № 4-П КС РФ признал неконституционными положения Закона Вологодской области «О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» (п. 10 ч. 9 ст. 41), допускающего отказ в регистрации областного списка кандидатов в депутаты, если число региональных групп кандидатов в этом списке оказалось меньше установленного названным Законом Вологодской области в результате выбытия незначительного числа кандидатов [8];

- агитация при проведении выборов – в частности, КС РФ признавал неконституционными нормы федерального избирательного законодательства, фиксирующей запрет на проведение предвыборной агитации против всех кандидатов, гражданами лично за счет своих собственных денежных средств (Постановление КС РФ от 14.11.2005 г. № 10-П);

- голосование и подведение итогов выборов, в том числе порядок распределения депутатских мандатов по результатам выборов – данный вопрос выступал предметом конституционного разбирательства как относительно федерального (Постановление КС РФ от 16.12.2014 г. № 33-П), так и регионального уровней (Постановление КС РФ от 19.12.2013 г. № 28-П). В частности, в конце 2014 г. предметом разбирательства в порядке конституционного судопроизводства выступили отдельные положения Федерального закона «Об основных гарантиях...» (п. 17 и пп. «д» п. 18 ст. 71) и Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы...» (ч. 3 и п. 4 ч. 4 ст. 89). Своим Постановлением от 16.12.2014 г. № 33-П КС РФ признал неконституционными названные нормы избирательного законодательства, поскольку они не содержат исключения получившего депутатский мандат лица из федерального списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, допущенного к распределению депутатских мандатов, и при этом позволяют передавать вакантный депутатский мандат лицу, которое ранее получило его, но в дальнейшем добровольно досрочно прекратило исполнение своих депутатских полномочий. КС РФ указал, что подобное законодательное регулирование лишает такого зарегистрированного кандидата возможности реализовать в порядке очередности право на замещение депутатского мандата. КС РФ обратил внимание федерального законодателя на необходимость внесения соответствующих корректировок о порядке распределения вакантных депутатских мандатов в случае досрочного прекращения депутатских полномочий. Однако на сегодняшний момент законодательская работа в данном направлении еще не проведена.

Взгляд КС РФ был обращен и на регламентацию порядка оспаривания итогов голосования и результатов выборов. Например, по одному из таких дел, рассмотренному КС РФ в 2013 г., заявители просили признать неконституционными нормы избирательного и гражданско-процессуального законодательства, поскольку они необоснованно ограничивают круг лиц, правомочных оспаривать итоги голосования и результаты выборов (Постановление КС РФ от 22.04.2013 г. № 8-П). КС РФ в части согласился с доводами заявителей, признал неконституционными отдельные положения (например, ч. 1 ст. 259 ГПК РФ) неконституционными, поскольку в силу неопределенности нормативного содержания права избирателей на обращение в суд за защитой своих избирательных прав (в частности, неопределенность в отношении субъектов, порядка и условий обращения в суд). Как и в предыдущем примере, КС РФ указал, что федеральный законодатель должен внести соответствующие изменения, уточнив порядок судебного обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с подсчетом голосов, установлением итогов голосования, определением результатов выборов.

Во-вторых, в самостоятельную группу можно объединить правовые позиции КС РФ, сформулированные относительно отдельных полномочий палат российского парламента, в том числе полномочий контрольного характера.

Полагаем целесообразным уделить данному вопросу особое внимание, поскольку парламентский контроль представляется в качестве необходимого и достаточно эффективного средства в обеспечении демократичности в контексте государственного управления. Значимость парламентского контроля (прямо либо косвенным образом) подчеркивается многими конституционалистами. Например, в 2013 г. в преддверии празднования 20-летнего юбилея российской Конституции многие ученые неоднократно обосновывали необходимость ее совершенствования. В частности, данному вопросу была посвящена целая серия публикаций С. А. Авакьяна, в одной из которых ученый предложил ряд законопроектов о поправке к Конституции Российской Федерации. Среди них был предложен и Закон Российской Федерации о поправке к статье 94 Конституции Российской Федерации «О Федеральном Собрании Российской Федерации», где автор предложил определить конституционно-правовой статус Федерального Собрания следующим образом: «парламент

Российской Федерации является органом государственной власти Российской Федерации, осуществляющим в соответствии с настоящей Конституцией и законами Российской Федерации функции народного представительства, законодательной власти, парламентского контроля, участия в формировании государственных органов, в обсуждении и решении важнейших вопросов государственной жизни» [1, с. 22]. Обратим внимание, что среди функций российского парламента С. А. Авакьян назвал и парламентский контроль.

Следует признать, что парламентский контроль применяется во всех государствах. Но формы его реализации весьма разнообразны. Они находятся в прямой зависимости и от формы правления (ее конкретной разновидности), и от политического режима, и др. критериев становления и развития государственности. Так, в президентских республиках контрольные полномочия парламентов менее разнообразны, но эффективность их повышается в связи с отсутствием у правительства полномочий по роспуску парламента. В государствах с парламентарной формой правления, как верно замечает А. А. Мишин, напротив, обширные контрольные полномочия парламента в значительной степени нейтрализуются принадлежащим правительству правом роспуска парламента [6, с. 124].

Правовые основы осуществления парламентского контроля как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах характеризуются достаточно обширным спектром нормативно-правовых актов. В большинстве современных государств положения, касающиеся осуществления парламентского контроля, сформулированы на конституционном уровне. За некоторыми исключениями (например, Болгария, Греция, Молдова) в конституциях не содержится само определение парламентского контроля, а фиксируются лишь его отдельные формы. Так, Конституция Латвийской Республики говорит о создании парламентских следственных комиссий, в конституционных актах Австрии, Бразилии, Румынии, Турции достаточно полно перечислены различные формы парламентского контроля. При этом в Конституции Турецкой Республики не только содержится подробный перечень форм парламентского контроля, но и раскрывается содержание самого депутатского вопроса, парламентского запроса, общей дискуссии.

Российский законодатель пошел по пути фиксации отдельных форм парламентского контроля (ст. 101, 111, 112, 117 и др. Конституции Российской Федерации), где речь идет не только о контроле за исполнением федерального бюджета, но и контрольных полномочиях, реализуемых, в частности, при формировании и отставке Правительства Российской Федерации. Более того, в настоящее время цели, принципы и формы парламентского контроля детально регламентированы специальным Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 77-ФЗ (ред. от 04.11.2014 г.) «О парламентском контроле». Он может осуществляться в отношении различных участников конституционных правоотношений и абсолютно в различных формах. Как следует из содержания ст. 5 названного Федерального закона применительно к Правительству Российской Федерации, к формам парламентского контроля относятся рассмотрение Государственной Думой вопроса о доверии ему; заслушивание ежегодных отчетов о результатах его деятельности; заслушивание на заседаниях палат Федерального Собрания Российской Федерации информации членов Правительства Российской Федерации, руководителей и должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, ответов указанных должностных лиц на вопросы членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы в рамках «правительственного часа»; заслушивание Председателя Правительства Российской Федерации и его заместителей в целях получения информации по вопросам чрезвычайного характера и др.

Думается, что интерес в рамках проводимого нами исследования представляет Постановление от 11.12.1998 г. № 28-П, в котором КС РФ дал толкование положений ч. 4 ст. 111 Конституции Российской Федерации, разъяснив заявителям (депутатам Государственной Думы) вопрос о том, вправе ли Президент Российской Федерации вновь представить кандидатуру Председателя Правительства Российской Федерации, которая была отклонена Государственной Думой. Заявителей интересовал и вопрос о правовых последствиях трехкратного отклонения Государственной Думой одной и той же кандидатуры на указанную должность. Как указал КС РФ, Президент Российской Федерации правомочен представлять одного и того же кандидата на должность Председателя Правительства Российской Федерации дважды или трижды либо представлять каждый раз нового кандидата. Более того, как особо отметил КС РФ, после трехкратного отклонения представленных кандидатур на пост Председателя Правительства Российской Федерации – независимо от того, представлялся ли каждый раз новый кандидат либо один и тот же кандидат дважды или трижды, – Государственная Дума подлежит обязательному роспуску. По мнению КС РФ, роспуск Государственной Думы в данном случае представляет собой конституционно-правовой способ разрешения возможных конфликтов между Президентом Российской Федерации и Государственной Думой. Его конституционной целью является обеспечение своевременного формирования Правительства Российской Федерации либо продолжения функционирования Правительства Российской Федерации, которое пользуется поддержкой Президента Российской Федерации вопреки недоверию, выраженному Государственной Думой. С содержанием названного Постановления были согласны не все судьи КС РФ, в частности, Н. В. Витрук, В. О. Лучин, В. И. Олейник изложили свои особые мнения по существу рассматриваемого вопроса.

Следующей формой проявления парламентского контроля выступает выражение недоверия Правительству Российской Федерации. По верному замечанию А. В. Чепус, бурное развитие российского законодательства в области парламентского контроля за деятельностью Правительства, которое наблюдается в последнее время, направлено прежде всего на формирование конституционной ответственности Правительства

Российской Федерации [11, с. 135]. Как следует из конституционного текста (ч. 3 ст. 117), Государственная Дума вправе выразить недоверие Правительству Российской Федерации, после чего Президент Российской Федерации правомочен объявить об отставке Правительства Российской Федерации либо не согласиться с подобным решением Государственной Думы. Более того, Конституция Российской Федерации устанавливает, что если в течение 3 месяцев Государственная Дума повторно ставит перед Президентом Российской Федерации вопрос о выражении недоверия Правительству Российской Федерации, то Президент Российской Федерации ставится перед «жестким выбором»: отставка Правительства Российской Федерации либо роспуск Государственной Думы. Третьего в данном случае не дано. Наличие именно такой альтернативы является весьма обоснованным, в противном случае, как справедливо отмечают Р. М. Дзидзоев и Д. М. Степаненко, это может привести к нарушению баланса законодательной и исполнительной властей [4, с. 57]. Однако вопрос о роспуске Государственной Думы не находит однозначной оценки в научных кругах. Так, В. В. Гончаров и С. М. Жилин высказывают предложение об устранении из конституционного текста норм о роспуске Государственной Думы, считая нецелесообразным применение данной процедуры [3, с. 19].

Полагаем, что на современном этапе государственно-правового строительства институт парламентского контроля становится неотъемлемой частью нормального функционирования системы государственного управления, способного с учетом весьма обширного накопленного исторического опыта становления и развития общественных отношений обеспечить по-настоящему демократическое общество и государство. Как мы заметили, осуществление парламентского контроля сегодня имеет под собой достаточно прочную правовую основу.

В-третьих, КС РФ исследовал и статус парламентариев, включая гарантии депутатской деятельности, в том числе в случаях досрочного прекращения полномочий парламентариев (Определение КС РФ от 18.09.2014 г. № 1872-О). В качестве весьма показательного примера выступают правовые позиции КС РФ, сформулированные в Постановлении от 27.12.2012 г. № 34-П, где КС РФ оценивал конституционность норм Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ч. 1 и 5 ст. 4). Обозначенные положения регламентируют принцип несовместимости депутатской деятельности с нахождением на государственной службе и занятием иной оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и др. творческой. Установление ограничений подобного рода, как верно, на наш взгляд, отметил КС РФ, направлено на предотвращение возникновения конфликтов интересов и обеспечение принципа независимости парламентария.

Примечательно, что конституционной практике известны и случаи, когда конституционно-правовые нормы по вопросам парламентского права оценивались КС РФ в их связке с положениями иных отраслей права, в том числе уголовно-процессуального законодательства. В частности, в Определении КС РФ от 18.09.2014 г. № 1872-О проверке подвергались законоположения, устанавливающие основания и порядок временного отстранения от должности подозреваемого или обвиняемого (п. 3 ч. 1 ст. 111 и ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), в качестве которого выступает председатель законодательного (представительного) органа государственной власти. В названном Определении от 18.09.2014 г. № 1872-О КС РФ отметил, что гарантии депутатской неприкосновенности ориентированы на введение обеспечительных мер для депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которые отвечают их конституционно-правовой природе. При этом КС РФ обратил внимание на тот факт, что законодательство не предусматривает обязательной дифференциации предоставляемых гарантий в зависимости от наличия либо отсутствия у депутата правового статуса должностного лица законодательного (представительного) органа государственной власти, включая должность его председателя. Обратим внимание, что случаи обращения граждан по вопросам проверки конституционности названных выше норм уголовно-процессуального законодательства не являются единичными (например, Определение КС РФ от 29.01.2009 г. № 15-О-О).

К сожалению, в силу ограниченности объема проводимого исследования нам не представилась возможность охарактеризовать все правовые позиции КС РФ по вопросам парламентаризма. Однако даже те немногочисленные примеры из практики конституционного судопроизводства, а также статистические показатели, изученные и приведенные нами, позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, оценке конституционности подвергались различные составляющие парламентаризма и парламентского права: и формирование законодательных (представительных) органов, и их функционирование (в том числе в контексте реализации совместных полномочий с иными государственными механизмами), и их конституционная ответственность, и статус парламентариев, и др.

Во-вторых, рассмотрение вопросов парламентаризма осуществлялось в пределах реализации КС РФ не только нормоконтрольных полномочий, в том числе по конституционным жалобам и запросам судов, но и в ходе толкования Конституции Российской Федерации.

В-третьих, заявителями выступали как индивидуальные, так и коллективные субъекты. Причем поводами к рассмотрению дела в порядке конституционного судопроизводства выступали как конституционные жалобы граждан и их объединений, так и запросы, ходатайства различных субъектов.

В-четвертых, исследованию подвергались не только конституционно-правовые нормы федерального уровня, но и уровня субъектов федерации. Таким образом, как показывает практика, география весьма обширна, в том числе Республика Башкортостан – в Определении КС РФ от 19.05.2009 г. № 598-О-О, Чувашская Республика – в Постановлении КС РФ от 28.02.2012 г. № 4-П, Красноярский край – в Постановлении КС РФ от 19.12.2013 г. № 28-П, Постановлении КС РФ от 12.04.2002 г. № 9-П, Краснодарский край –

в Постановлении КС РФ от 09.11.2009 г. № 16-П, Московская область – в Постановлении КС РФ от 24.12.1996 г. № 21-П, Вологодская область – в Постановлении КС РФ от 11.03.2008 г. № 4-П, Мурманская область – в Определении КС РФ от 18.09.2014 г. № 1872-О и др.

В-пятых, положения парламентского права подвергались оценке конституционности в связи с нормами различных отраслей российского права, например, гражданско-процессуального (Постановление КС РФ от 22.04.2013 г. № 8-П) и уголовно-процессуального права (Определение КС РФ от 29.01.2009 г. № 15-О-О, Определение КС РФ от 18.09.2014 г. № 1872-О), в частности, в контексте регламентации отдельных аспектов статуса российских парламентариев.

В-шестых, виды решений КС РФ были также различны. Это не только постановления КС РФ, но и определения. По своему содержанию определения КС РФ также отличались друг от друга. В первую группу можно объединить определения об отказе в принятии к рассмотрению запроса по причинам его недопустимости (Определение КС РФ от 18.09.2014 г. № 1872-О); во вторую – определения КС РФ о признании обращения не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании КС РФ, так как для разрешения вопроса, который был поставлен заявителем, не требуется вынесение постановления как итогового решения КС РФ (Определение КС РФ от 06.03.2013 г. № 324-О). При этом имели место и определения с позитивным содержанием, когда КС РФ в обоснование своего решения указывал, что по предмету обращения уже ранее были вынесены решения, которые сохраняют силу (Определение КС РФ от 18.09.2014 г. № 1872-О).

В-седьмых, КС РФ оказывает существенное влияние на эволюцию современного парламентаризма, поскольку он не только сам «выводит» из правового пространства неконституционные нормы, но и возлагает на федерального законодателя обязанность проводить необходимые законодательные корректировки.

В завершение вновь обратимся к статистике. В 2012 г. в КС РФ поступило 532 обращения по вопросам организации публичной власти, в 14 (2,6%) из которых затрагивались вопросы организации и функционирования законодательной власти, в 2013 г. – 6 обращений (1,6%) из 377, в 2014 г. – 5 обращений (1,2%) из 414, в I-П кварталах 2015 г. – 1 обращение из 200 (0,5%). Как и с вопросами избирательного права и процесса, статистика наглядно демонстрирует стойкую тенденцию к сокращению количества обращений по делам исследуемой категории. Хотелось бы выразить надежду, что это свидетельствует не о некой инфантильности населения и иных участников конституционных правоотношений, а о том, что мы постепенно идем к все более совершенному конституционному законодательству, сокращая по мере возможности, в том числе посредством рычагов конституционного судопроизводства, правовые коллизии и пробелы в нем. Переходный период формирования современного парламентаризма закончился. И это уже свершившийся факт.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 2. С. 20-25.
2. Буринова Л. Д. Законодательные (представительные) органы в субъектах РФ – институциональный компонент парламентаризма // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. С. 14-17.
3. Гончаров В. В., Жилин С. М. Особенности использования в Российской Федерации зарубежного опыта формирования и функционирования института президента // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23. С. 18-22.
4. Дзидзов Р. М., Степаненко Д. М. Институт роспуска представительного органа государственной власти в России // Право и политика. 2006. № 9. С. 54-60.
5. Жеребцова Е. Е. Конституционный Суд Российской Федерации в механизме защиты избирательных прав граждан и права на участие в референдуме // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2014. Т. 27 (66). № 1. С. 15-22.
6. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. Изд-е 17-е, испр. и доп. М.: Статут, 2013. 520 с.
7. По делу о проверке конституционности абзаца четвертого части первой ст. 6 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с запросом Архангельского областного Собрания депутатов: Постановление КС РФ от 05.04.2013 г. № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗРФ). 2013. № 15. Ст. 1843.
8. По делу о проверке конституционности подпункта «л» п. 25 ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и п. 10 ч. 9 ст. 41 Закона Вологодской области «О выборах депутатов Законодательного Собрания Вологодской области» в связи с жалобой общественного объединения «Политическая партия “Союз правых сил”»: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.03.2008 г. № 4-П // СЗРФ. 2008. № 11. Ч. 2. Ст. 1073.
9. По делу о проверке конституционности ст. 3, 4, п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259, ч. 2 ст. 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» п. 9 ст. 30, п. 10 ст. 75, п. 2 и 3 ст. 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ч. 4 и 5 ст. 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андронova, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии «Справедливая Россия» в Воронежской области: Постановление КС РФ от 22.04.2013 г. № 8-П // СЗРФ. 2013. № 18. Ст. 2292.
10. Смоленский М. Б., Алексеева М. В. Конституционное право: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2013. 541 с.
11. Чепус А. В. Конституционно-правовое регулирование парламентских расследований деятельности Правительства РФ // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 135-142.

**EVOLUTION OF MODERN RUSSIAN PARLIAMENTARISM
BY MEANS OF CONSTITUTIONAL COURT PROCEEDING****Pereverzev Evgenii Anatol'evich**, Ph. D. in Law, Associate Professor**Zherebtsova Elena Evgen'evna**, Ph. D. in Law, Associate Professor**Bunyaeva Karina Vladimirovna**, Ph. D. in Law*I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
pablikpravo@mail.ru; zherebtsovae@gmail.com; pablikpravo@mail.ru*

The article reveals the problems of the reformation of the Russian legislation in the sphere of regulating parliamentarism as a special political and legal institution. The authors indicate certain trends of legislative corrections implemented at different stages of state-legal development under the influence of Constitutional Court proceeding practice. Special attention is paid to the analysis of certain notable legal attitudes formulated by the Constitutional Court of the Russian Federation in its decrees and resolutions passed in the process of the realization of supervisory powers including those on investigating the constitutional appeals of citizens, and also while interpreting constitutional provisions. The paper compares statistical data on the activity of the Constitutional Court of the Russian Federation of different periods on the issues of parliamentary law. On the basis of the conducted research the authors make proposals on the improvement of the legislation in the mentioned sphere.

Key words and phrases: parliamentarism; parliamentary law; Constitutional Court proceeding; right to vote; electoral process; status of parliamentarians; forms of parliamentary control.

УДК 7.031.3

Искусствоведение

В статье рассматривается архитектурно-пространственная организация традиционного якутского жилища. Разбираются строительные технологии, материалы, планировочная структура наиболее распространенных типов традиционного жилища – юрты-балаган и урасы, вопросы формообразования предметного мира саха. Авторы отмечают, что в условиях северного этнокультурного территориального комплекса изначальные формы традиционного жилища саха, восходящие к тюрко-монгольскому типу, приобрели своеобразные черты. Особое внимание уделяется организации интерьера юрты-балаган и урасы.

Ключевые слова и фразы: архитектура; традиционное жилище; конструкция; юрта; формообразование.

Петрова Анна Григорьевна, к. искусствоведения**Старостина Айталина Анисимовна**, к. архитектуры*Арктический государственный институт культуры и искусств
kundune@mail.ru; linastar2005@mail.ru***АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛИЩА
И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ ПРЕДМЕТНОГО МИРА САХА[®]**

Специфику расселения якутов-саха на обширной территории Северо-Востока Сибири обусловил тип хозяйства северных скотоводов. Пригодная для скотоводства часть территории Якутии была поделена между различными якутскими племенами, состоявшими из отдельных родов. Наиболее могущественные роды владели лучшими и более обширными пастбищами и покосами. Зимой каждое хозяйство занимало зимнюю усадьбу, расположенную среди лугов, недалеко от запасов заготовленного сена. Традиционно усадьба располагалась в защищенном от северных ветров месте, недалеко от водоема. Саха строили оригинальные зимние постройки в виде прямоугольного четырехугольника юрты-балаган. Устройство первого якутского жилища упоминается в повествованиях о легендарных прародителях саха *Омогое* и *Эллее*. Летом *Омогой* жил в шалаше из коры, а зимой в земляной юрте, без окон и камелька, с отверстием сверху для дымоотвода и для того, чтобы проникал хоть какой-то свет. *Эллею* приписывают первую постройку зимней юрты – балаган, устройство загонов для жеребят, хлева для скота. В этом предании получает своеобразное отражение мотив исхода предков саха из южной прародины. Попав на землю с суровыми климатическими условиями, народ стал приспособлять свое жилье к продолжительной зиме, например, живет вместе со скотом, чтобы сохранить тепло. Организация жилого пространства, да и в целом архитектурный стиль (в широком смысле слова, как совокупность характерных конструктивных решений и художественных признаков), якутов восходит к тюрко-монгольскому ареалу, это наблюдается и в предметной среде. Эти некие изначальные формы в условиях этнокультурного территориального комплекса, безусловно, приобрели эндемические черты. Якуты, как писал в свое время В. Серошевский, «вдохнули» собственное понимание в эту архитектурную модель. Традиционной якутской юрте присуща лапидарность, она органична, обладает удивительной температурой и «вписанностью» в окружающую среду (см. Рис. 1).